

За последние несколько десятилетий мир претерпел существенные изменения. Каркас истории после второй мировой войны – этой величайшей трагедии и триумфа объединённого человечества – формировался самым причудливым образом; мир множество раз балансировал у катастрофических рубежей, по счастью, находя в себе в последний момент волю и мудрость отступить от роковых и необратимых решений. За последние несколько десятилетий мир претерпел существенные изменения. Каркас истории после второй мировой войны – этой величайшей трагедии и триумфа объединённого человечества – формировался самым причудливым образом; мир множество раз балансировал у катастрофических рубежей, по счастью, находя в себе в последний момент волю и мудрость отступить от роковых и необратимых решений.

Берлинская стена знаменовала собой новый раскол планетарного масштаба. Холодная война... Крах колониальной системы... Изнурительные политиканские игрища – кто кого?.. И вот – о радость для недалёких умов! – стремительный и крайне болезненный развал СССР...

Казалось бы, исчезли главные основания деструктивных напряжений земной цивилизации, и впереди – необозримые горизонты развития в навязшей на зубах, как кислотный экстракт облепихи, обстановке «дружбы и взаимопонимания»... Ан, нетушки! Ното – на то и sapiens, что всегда найдёт повод для новых обид, подозрений, обвинений и разрушений собственной хрупкой субстанции и созданной тысячелетиями напряжённого труда миллионов поколений вещно-бытийной сферы.

Чем же «славен» современный мир?

Ну, во-первых, мы являемся свидетелями крайней степени концентрации и централизации политико-экономических и социально-культурных обменов. Постиндустриальное общество... Глобализация... Информационная цивилизация... Какие звучные и мясистые термины! Новенькие... Совсем чуть-чуть потасканные и изжёванные баядерами политики и коммуникации... Произносишь их, и радуется воскресшая после очередного «радужного обвала» душа – неоднократно обманутая, но верующая опять и опять в не достигавшиеся пока что никем гармонию и благодать... Так начинается отнюдь не последний акт величественной трагедии, в своё время удивительно точно прочувствованной О.Шпенглером: «Природа истощается, земной шар приносится в жертву фаустовскому мышлению энергиями...

Столь же титаничен напор денег на эту умственную силу. Промышленность так же ещё связана с землёю, как и деревенское хозяйство. Она обладает своим местом и своими проистекающими из почвы источниками материала. Только высший финансовый мир совершенно свободен, совсем неуязвим. С 1789 года банки и вместе с ними биржи, благодаря потребности в кредите для бесконечно разраставшейся промышленности, развились в особую могучую силу, и они желают, как деньги во всех цивилизациях, быть силою единственной. Древнее соперничество между производящим и присваивающим хозяйством достигает размеров молчаливой исполинской борьбы умов, ведущейся на почве мировых городов. Это отчаянная борьба технического мышления за свою свободу с мышлением деньгами» [1].

Уже в этих строчках немецкого мыслителя, написанных на заре постиндустриализма, отчётливо прослеживается логика развития технической (теперь в нашем арсенале имеется более точное слово – техногенной) цивилизации – логика укрупнения, слияния, концентрации интеллектуальных и материальных средств и ресурсов. Опуская цепочку всем известных

революционных и эволюционных переходов, приходим к нынешнему результату: «Понятие и сам термин «глобальное информационное общество» появились совсем недавно. Раньше его не было ни в науке, ни в политике. Последние столетия делились, как известно, на эпохи индустриальную и постиндустриальную. Теперь наступает эпоха информационная...» [2].

Тут имеется в виду прежде всего следующее. Вместе с глобальным рынком и глобальным кругооборотом производства рождается глобальный порядок, исповедующий новые логику и структуру управления. Глобализация капиталистического производства в сфере экономики означает, в частности, значительное уменьшение зависимости экономического развития от политического контроля. Тем самым экономическая система освобождается от ограничений и искажений, навязываемых ей субъективными политическими пристрастиями, становится более универсальной и безликой.

С другой стороны, тем самым инициируется существенная перестройка всех общественно-институциональных каналов, имеющая целью оптимизировать и интенсифицировать управление не только производящей, но и духовно-ментальной сферами. Вот как описывают процесс американский литературовед М. Хардт и известный итальянский политический философ А. Негри: «При переходе к постсовременной глобальной экономике создание богатства более чем когда-либо имеет результатом то, что мы называем биополитическим производством, производством самой общественной жизни, когда политическая, экономическая и культурная сферы всё более совпадают друг с другом и становятся взаимопроникающими» [3].

До второй половины XX столетия в структуре индустриального и постиндустриального обществ выделялись следующие основополагающие элементы:

- средства;
- технологии;
- люди;
- товары.

Упрощённо цивилизация имела примерно такой вид:

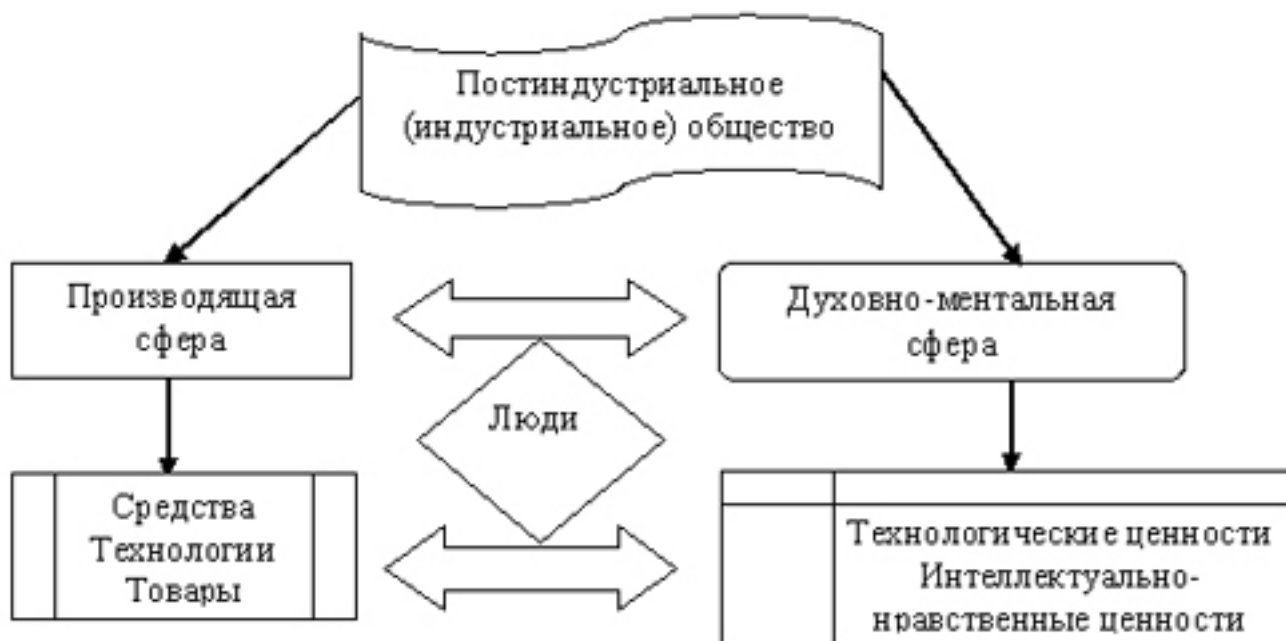

Рис. 1. Структурная схема постиндустриального (индустриального) общества

Сегодня, однако, признана и не подвергается сомнению некая обобщающая выделенные элементы основа – информация, выступающая, наряду с глобализацией, ещё одним доминантным фактором развития человечества с последней четверти XX и в XXI веке. «Информационная цивилизация» утверждает несколько иные акценты, графически отображённые на рис. 2.

Рис. 2. Структурная схема информационного общества

По существу, «информатизация» человечества означает, что мир принял новую форму и обрёл вид иерархии ряда национальных и наднациональных уровней, логически взаимоувязанных между собой определённым коммуникативным образом. Левиафан Информации не признаёт исторически сложившихся границ и традиций, политических и экономических приоритетов, культурных и даже (страшно помыслить!) культовых ценностей. Экстраполируя ситуацию, в пределе можно разглядеть децентрализованный и детерриториализованный информационно-контрольный планетарный аппарат управления. Не претендуя на «лавры» new-пророка, бестрепетно выдам следующий прогноз: рано или поздно под его юрисдикцию постепенно перейдёт с необходимостью всё глобальное пространство Земли, которая станет свидетелем очередной «крутой ломки», вызванной аннигиляцией дряхлых государственных монстров отшумевших эпох. И вот тут уж никакие институционально-общественные геропротекторы помочь не в силах совершенно точно!

Имеется во всём этом «тёмном» деле серьёзная опасность – из разряда тех, которые уже переживало человечество, например, в период блаженной памяти «революции Осевого времени». Тогда, в ходе овладения технологией переработки железной руды, появилось стальное оружие, коим можно было оснастить большое число простолюдинов. Если в эпоху бронзы армия была профессиональной – практически в современном понимании этого слова – благодаря дороговизне бронзового вооружения, то прасталелитейное производство

позволило перейти к формированию тогдашних «вооружённых сил» по принципу «общенародного ополчения». Поводов для «разборок» имелось предостаточно – интересующиеся легко прочтут о них в соответствующей литературе – и кровь человеческая полилась буквально потоками. Вполне реальной сделалась угроза превращения ойкумены в безлюдную и безжизненную пустыню.

Слава Богу, ситуацию удалось перевести постепенно в менее интенсивное русло самоуничтожения. Потому что на огромном пространстве от Эллады до Китая вдруг откуда ни возьмись почти одновременно появились глашатаи новой моральной парадигмы. Сократ, Конфуций, Будда и другие повели упорную проповедь о необходимости овладения Знанием, которое мыслилось как высшая форма добродетели. Внедрённый ими в сознание правящей элиты и обыкновенных смертных императив звучал примерно так: «Бесконечно мудрый – бесконечно добрый». Незамысловатая эта фраза, однако, на долгие века стала моральным идеалом, верность которому – хотя бы чисто внешне – вынуждены были демонстрировать разные успешные и неуспешные завоеватели. Логическим завершением многочисленных трансформаций лозунга стал неприменный рефрен советской поры «Миру – мир!» И даже сегодня наши «звёздно-полосатые» друганы, развязывая очередную локально-точечную бойню в каких-нибудь Югославии или Ираке, обязательно вещают в своих ритуально-синергических камланиях о защите мира и демократии, кивая на измождённую статую Свободы, у которой больше нет сил, чтобы покраснеть от стыда за своих лицемерных «лицарей-ястребков».

Теперь вот «Информационная революция» грянула... Наряду с бесспорными благами, несёт она и страшные угрозы выживанию изнеженной человеческой популяции. Страсти и ужасы подобного рода – одна из выгоднейших статей киносинематографического пошиба, поэтому останавливаться на них ради экономии места не будем. Заметим только, что технико-технологическая составляющая прогресса – и это абсолютно доказано многотысячелетней историей человечества! – всегда развивается куда более быстрыми темпами, нежели гуманитарно-духовная. Так что нам именно здесь (на планете!) и сейчас нужны новые Заратустры, Христы и Мохаммеды, способные перевести «странный аттрактор» [4] информационного общества из «точки бифуркации» [5] в «потенциальную яму» более-менее спокойной эволюции. Такие пророки, кстати, есть, и о них мы обязательно поговорим.

А пока в свете изложенных фактов об информационной сущности современного глобализма, думаю, понятно, что в дальнейшем изложении нам никак не обойтись без применения некоторых терминов, обладающих специфическим информационным флером. Очевидно, они нуждаются в корректной интерпретации, поскольку всё, что связано с таинственной и магической коммуникативной сферой, подчас осмысливается на уровне устаревших определений изживших себя парадигм.

Начнём, пожалуй, собственно, с её величества Информации. В смысловом поле Нового и Новейшего времени под ней понимались, в основном, осведомление, сообщение, первоначальные сведения, передававшиеся людьми устным, письменным или любым иным способом. «Десятки тысяч лет назад появилось первое средство коммуникации – устная речь... – пишет профессор Ю. Кашлев. – Это происходило в разных концах света и в разное время, постепенно появилось несколько тысяч языков. Тогда информация передавалась только устно и лично. На посохе, с которым шёл путник, были начертаны всякие рисунки и циферки, это и было послание к тем, к кому путник направлялся.

Ещё многие тысячелетия прошли до того, как появилась письменность. И письменность тоже эволюционировала от каких-то там чёрточек на камне, глиняных плитках, на которых писали, до иероглифов. Считается, что письменность возникла 7 – 8 тысяч лет назад.

Потом прошло ещё несколько тысяч лет до появления печатного станка. В Европе мы считаем, что эту революцию совершил Гутенберг в середине XV века, создав печатный станок. На самом деле печатные станки появились в Китае и Корее за несколько веков до Гутенберга» [6].

Примерно таким было тернистое начало нынешней блестящей эры, и обозначенное выше определение в полном объёме отражает суть медленно набиравших обороты информационных процессов.

Однако где-то с середины XX века прежний термин подвергся существенной негэнтропии (усложнению) и расширению. Общенаучное понятие информации стало обозначать: обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом (естественно, имеются в виду не «Калаш» и «М-17», а техническая аппаратура); обмен сигналами в животном и растительном мире; передача признаков от клетки к клетке, от организма к организму; кибернетические процессы преобразования электрических импульсов (в том числе био-, гео-, химио- и нейроценозов).

Здесь придётся сделать небольшое лирическое отступление. Если читатель убеждён, что «птицы небесные имеют гнёзда» (читай – области человеческого познания дифференцированы по научным дисциплинам), а бедняжке-информации некуда голову приклонить, то он глубоко (я бы даже сказал – глубинно!) заблуждается. Есть у информации собственная ниша – и ещё какая обустроенная! Название у неё, соответственно, звучное и в меру оригинальное – насколько позволяют утвердившиеся в среде сухарей-теоретиков каноны: Информациология – то бишь логос (знание) об информации.

Отрадно сознавать, что пионером давно и трепетно ожидавшейся прогрессивным человечеством «прописки» информации в лоно высоконучных штудий является наш современник и соплеменник, доктор технических наук, профессор Иван Иосифович Юзвешин. Именно ему принадлежит честь дотошной дескрипции категориального аппарата и основополагающих законов новой дисциплины. Последняя пока только «становится на крыло», и парадоксальное изменение взгляда на наш мир и социум, декларируемое ею, не сделалось общим местом, не перешло в фазу не то что фольклорного, но даже чисто академического осмысления. Однако и теория относительности Альберта Эйнштейна тоже не вдруг возбудила талант народных сказителей-анекдотистов, совсем не сразу обрела в лице Б. Рассела могучего популяризатора, использовавшего с успехом эпизоды из веселушных американских мультяшек «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» для объяснения в радиолекциях мозгодробительно-относительных умствований знаменитого учёного... Так что признание информациологии и неизбежно следуемая за ним формализация и фольклоризация её теоретического аппарата – дело, видимо, не столь отдалённого будущего.

Дабы читатель получил представление о сущности исследований рекламируемой выше дисциплины, приведём несколько определений, структурно-содержательный пафос которых принят нами за основу.

«Информациология – фундаментальная генерализационно-единая наука, изучающая в вакуумных и материализованных сферах Вселенной самоотношения, конформные самоотображения и соотношения нульматериальных точек, предметов, организмов, объектов, процессов и явлений природы и общества, исходя из фундаментального принципа информациологического подхода. Информациология, будучи многофункциональной наукой, изучает все субэлементарные процессы и явления в живой и неживой природе и во Вселенной в целом. Субэлементарной единицей информации для микро- и макромира принято считать информатон...

Объектом информациологии является объективная реальность безначально-бесконечной информационной Вселенной, существующая (не)зависимо от нашего сознания внутри нас, вне нас, между нами, вокруг нас, везде и всюду выступающая как объект нашего существования и познания...

Предметом информациологии являются исследования информационных микро- и макродинамических процессов и явлений, происходящих во Вселенной во взаимосвязи и во взаимодействии с овеществлёнными и неовеществлёнными атрибутами материализации и дематериализации, источниками аннигиляции и авторегенерации, а также процессы рецепции, передачи, хранения, обработки, визуализации и познания информации...

Информациология родилась на стыке физики, химии, математики, астрономии, биологии, информатики, геологии, космологии, философии, истории и других фундаментальных наук. Вселенная закодирована, и задача информациологии раскодировать её» [7].

Для нас в приведенной выше обширной цитате важен именно акцент на генерализационной функции информации. Коль скоро цивилизация обретает новое качество – по убеждению абсолютного большинства учёных – соответственно, информационный аспект должен доминировать на всех уровнях бытийной иерархии. Следовательно, любые исследования, в том числе и социального континуума, так или иначе требуются соотносить с логикой сугубо информационного плана, то бишь рассматривать в рамках интегрально-информационной парадигмы, контуры которой и обозначил профессор Юзвишин, особо выделивший стыковочный характер новой дисциплины. В целом, его подход соответствует утвердившейся окончательно во второй половине XX столетия тенденции к превращению атрибутивных наук в модусные. (Как известно, с XV¹¹ – XV¹¹¹ веков под атрибутом понимается постоянное свойство предметов; соответственно модус трактуется как преходящее свойство, присущее предмету лишь в некоторых состояниях. То есть в нашем случае модусный характер науки призван подчеркнуть исследование пограничных областей – например, таковы биохимия, геофизика, геополитика, геновая инженерия, паблик рилейшнз и т.п.).

Можно рассмотреть проблему и несколько в ином ракурсе. Так, Юзвишин выделяет первичную и вторичную информационные системы (ИС) человека. «Первичная ИС является основой жизнедеятельности животных, человека и процессов природы, – пишет учёный. – Вторичная (объективная) ИС – это система информационных отношений между окружающей средой и организмом человека, а также между функциональными органами, железами, секретами и т.д. внутри человека» [8].

Проще говоря, биологические, химические, физические, психические и иные процессы в самом человеке и вне его материальной субстанции взаимоувязаны определённой системой, действующей по информационному принципу «возбуждение – отклик (отзыв)». Та же самая структура, по существу, лежит и в основе социальных феноменов – будь то политика, экономика, наука, культура или даже просто незамысловатая детская игра. Таким образом, нельзя не признать информационной подосновы функциональной организации окружающего нас мира во всём многообразии его проявлений. И тогда вполне критичной можно считать принципиальную возможность интегрализации разумной жизни на базе единичных предельно обобщённых констант-абстракций.

Главной из них Юзвишин и предлагает считать информацию – что, повторяюсь, полностью соответствует логике новой цивилизационной фазы развития. Он пишет: «Информация – вездесуща, она – внутри нас, вне нас и во всей Вселенной; это универсальное начало всех начал в природе и в обществе; информация – первична, материя – вторична.

Информация – безальтернативный источник зарождения Вселенной и безальтернативный ресурс развития мирового сообщества...

Все науки и сама природа представляют собой ветви единого вегетационно-генеративного древа, которым является вездесущая информация» [9].

Возможно, на сегодняшний день мнение учёного выглядит несколько категоричным, особенно если учесть, что и все основные законы природы и общества он капитализирует через информационную универсалию, делая её сердцем понятийной смысловой структуры информационного общества. Но в данном случае, по нашему мнению, терминологическая избыточность вполне оправдана: всё лишнее рано или поздно отсеется в процессе детального исследования предмета в полном соответствии с критерием необходимого и достаточного основания. В любом случае информационная рефлексия по поводу утвердившихся в мире представлений на природу и общество с научной точки зрения оправдана, поскольку сулит при положительных результатах обеспечить эволюционный переход к качественно иным исследовательским технологиям. А это, в свою очередь, откроет новые горизонты прогресса.

Системный информационный подход Юзвишина важен для нас в следующем аспекте. Если принять за основу его картину мироздания, то, очевидно, подчинённые элементы структуры, изображённой на рис. 2, обретают вид специфических информациологических модусов () [10]. В ходе первичной декомпозиции постиндустриального общества (средства – технологии – люди – товары) мы и фиксируем зарождение подобной модусной типологии, которая информационным полем утверждается в качестве «несущей конструкции» информационной цивилизации.

Финансовый и товарный модусы отражают вещную природу разумного созидательного мира. Технологический – деятельностно-поисковую его ипостась. Предмет нашего преимущественного внимания – человеческий модус, который не имеет чисто биологической конституции, но включает в себя весь комплекс социальных отношений (духовно-ментальных, культурных, политико-экономических, научных). И понятно почему: ведь «первокирпичиком» социума был и остаётся человек, люди (достаточно сравнить для наглядности рисунки 1 и 2)! Именно социальный субъект (субъекты) генерирует (генерируют) те или иные возмущения информационного поля планеты по мере разрешения выдвигаемых жизнью задач и многочисленных противоречий. То есть человеческий модус является определяющим по отношению к остальным, самоценным и самодостаточным. Именно он воспроизводит «вторичные». Последние (критерии) не остаются постоянными и изменяются – вслед за изменением состояния или положения элементаров человеческого модуса. В указанном контексте саму эволюцию можно полагать процессом трансформации основных информационных модусов разумной жизни – и прежде всего, конечно же, человеческого. Потому-то крайне важно в первую голову расшифровать, определить и определить именно человеческий, который точнее будет именовать социумным. Этим по преимуществу мы и намерены в дальнейшем заниматься.

В качестве «первокирпичика» информационного мироздания Юзвшин выделяет информон – «субэлементарный квант самоотношений, самоотображений и соотношений информациогеннов... в вакуумно- и материосферах Вселенной» [11]. Соответственно определённой нами выше исследовательской задаче мы можем ввести для удобства производное понятие «социальный информон» или «s-информон» – совокупность самоотношений, самоотображений и взаимосвязей личности в информационном социум-пространстве локальных и интегрального человеческих сообществ. Предлагаемая категория, по нашему мнению, является безусловно необходимой и достаточной методологической универсалией с точки зрения адаптации социального фактора в рамках, собственно, информационной цивилизации с целью выявления и описания характера новых

цивилизационных «возмущений» и субъектно-объектных (генерализованных) «откликов» на них, которые нам предстоит отследить.

Следующий принципиальный момент связан с корректностью употребления лексикодов «информационный» и «информациологический». И здесь нам представляется совершенно убедительной позиция профессора Юзвишина, который специально делает следующее уточнение: «Искусственная информация зависит от нас и создаётся (производится) человечеством с момента его возникновения и в процессе его эволюции. Искусственная информация – это все (не без)условные отношения и отображения материальных объектов и предметов, придуманных и реализованных человеком.

Естественная информация – является основой зарождения Вселенной, всех её состояний, процессов, явлений и ресурсов. Искусственная информация – это информация, произведенная человеком. Естественная информация и искусственная информация имеют разнообразные происхождения и большие различия. Поэтому состояния, процессы и явления информации трактуются по-разному, исходя из того, что, в первом случае, информация, проявляясь, порождает пространство и время и является таким образом источником проявления всей Вселенной. В связи с этим все информационные явления, процессы и состояния во Вселенной считаются фундаментальными, определяющими и исходными. Во втором случае – искусственная информация – это производная от естественной информации, прошедшей через сознание человека, через его чувства и логику. Поэтому все процессы производства человеком искусственной информации называются информациологическими (т.е. логически осмысленными, логически созданными): информациологические ресурсы, информациологические технологии, информациологические процессы и т.д. Естественные процессы во Вселенной являются реальными без логического осмысления человеком, поэтому имеют не опосредованные (не логические), а истинные (первородные) названия: информационные ресурсы, информационные технологии, информационные процессы» [12].

Иначе говоря, при дескрипции социум-пространства информационной цивилизации речь идёт именно о комплексе информациологических модусов, что и демонстрирует наглядно рис. 3.

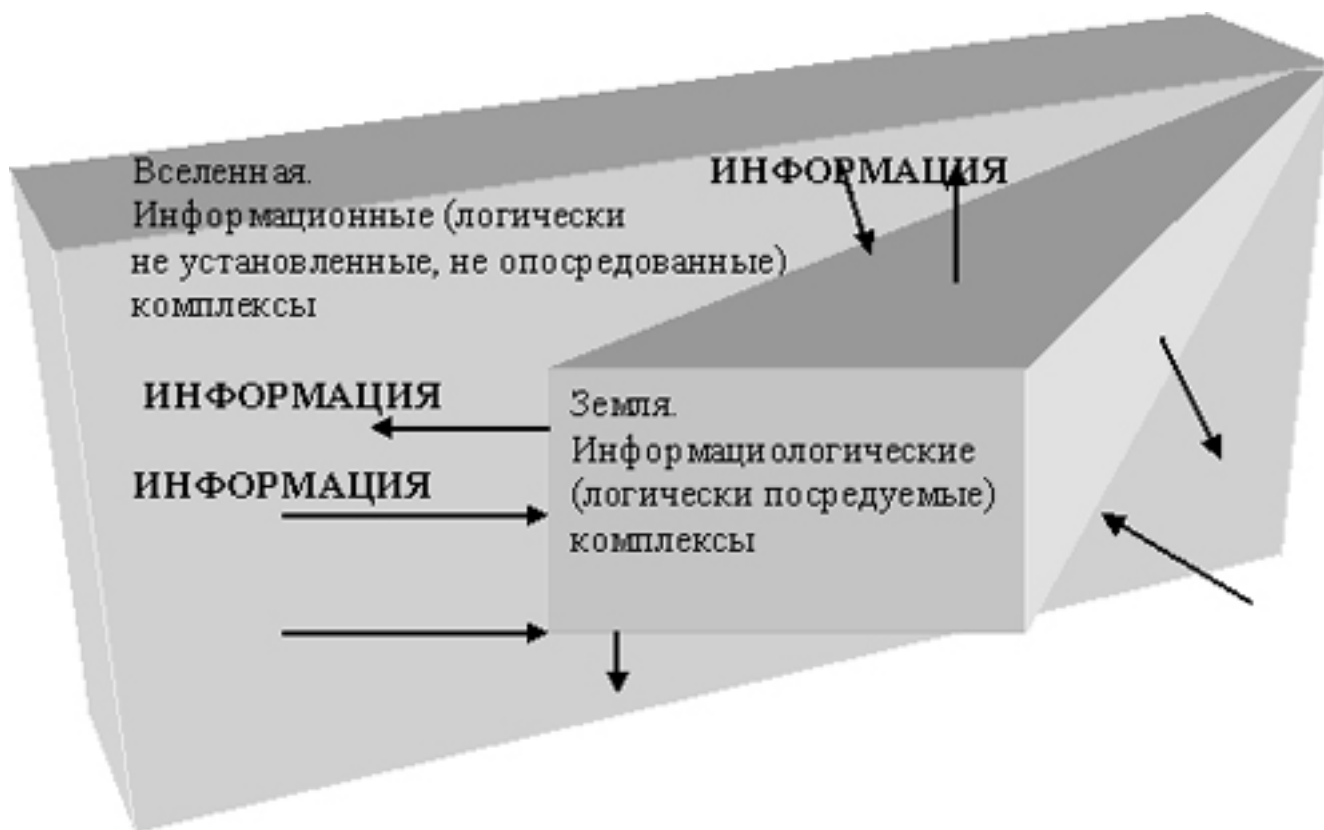

Рис. 3. Структура взаимоотношений уровней «информационный» - «информациологический»

Зачем понадобилось городить такой огород? Да потому что кибернетики – эти акулы информационного царства-государства – рады были стараться, и по свету теперь гуляет целая серия умных словосочетаний: «информационный язык», «информационные ресурсы», «информационный массив», «информационный взрыв», «информационный центр»... К «киберам», само собой, быстренько подключились всякие философы-социологи-футурологи – тоже лепту увесистую внесли... Мы же отныне путаться не будем, дифференцируя смысловой ряд по вполне конкретным основаниям: что имеет отношение к Вселенной – информационное; что является делом рук человеческих – информациологическое. Ну, а для краткости изложения далее всё, что сопровождается определением «информациологическое», будем маркировать буквой «i» (от англ. «information» – информация, сообщение – рукотворные!).

Возвращаясь с учётом изложенных соображений к применявшимся ранее терминам, скорректируем некоторые позиции. Для начала, насколько критично употребление семантической конструкции «информационная цивилизация»? Очевидно, это понятие может быть оставлено в первозданном виде: поскольку смысловое цивилизационное поле с необходимостью включает в себя все процессы, в том числе и исследовательский комплекс Вселенной, оправданно применение наиболее общей дефиниции, реализуемой через лексикод «информационная». То же самое справедливо относительно «информационных процессов». И логика последующих конструкций «информационно – информациологического» ряда совершенно идентична.

К примеру, сугубо практические терминологические кибер-экзерсисы, находящие всё более широкое применение в самых различных областях научной рефлексии и общественной жизни, конечно, точнее будет именовать с применением лексикода «информациологический». Сюда мы отнесём, во-первых, информациологические массивы (i) – всевозможные материалы, документы, совокупности сведений, формализованные в виде файлов и хранящиеся на разнообразных материальных носителях. Указанные i-массивы складываются в – информационные базы данных специализированного типа или общего вида. Естественно, возникают и соответствующие информационные (типологическая общность) центры, системно накапливающие информацию и регулирующие потребление информационных и информациологических потоков.

В соответствии с общефилософским законом о неизбежности перехода количественных приращений в качественные изменения, накопление информации ведёт к информационным взрывам – резким скачкам в сфере информации и коммуникации, обусловленным научно-техническим прогрессом, которые в свою очередь инициируют политико-экономические и социо-культурные трансформации. То есть термин «информационный взрыв» имеет как «узкий» смысл (информационно-коммуникативные приобретения цивилизации), так и «широкий» (спектр последствий в развитии социума).

С учётом рассмотренных нами категорий можно определить теперь дефиницию «информационное общество». Современной социологией она используется в концепции, согласно которой основным фактором общественного развития считается создание и использование прогресса в индустрии информации (коммуникационно-вычислительные сети, средства связи, СМИ, микроэлектроника и т.д.) Но это опять-таки узко-прикладное значение. В «широком» смысле «информационное общество» – это такое общество, которое функционирует при условии обеспечения информационных процессов научного и практического плана, системно накапливает информационные ресурсы, что неизбежно инициирует взрывную информационную эволюцию цивилизации, именно поэтому и

обретающей качество «информационной».

Согласно данному определению, термин «информационное общество» в практическом контексте синонимичен дефиниции «информационная цивилизация», и при общих рассуждениях строгое разграничение обеих универсалий не носит принципиального характера. А вот в контексте абстрактной научной иерархии «информационное общество» (совокупность стран, активно разрабатывающих информационную парадигму и изменяющихся в соответствии с нею) носит подчинённый характер в отношении «информационной цивилизации» (доминантная тенденция развития планеты Земля).

Совсем не лишним будет и ещё одно уточнение. Речь идёт об «информационном языке» – центральном информациологическом параметре информационной цивилизации (общества). В распоряжении человечества сегодня имеется множество языков, диалектов и наречий – от самых сложных, признанных мировыми средствами общения, до примитивных, включающих в себя несколько сотен функциональных наименований предметного ряда. В любом случае язык выступает наиболее универсальной синтетической категорией абстрактного мышления, аккумулирующей в себе информационные смыслы, на базе которых возможно конструирование новых интонационно-логических, лексических, синтагматических, синтаксических и иных единиц, опосредуемых логикой сферы употребления лингвистической материи.

Это качество (универсальности и синтетичности) обуславливает интересную дихотомию языка, взятого в совокупности всех его констант и детерминант. С одной стороны, язык обеспечивает необходимый уровень взаимопонимания социальных субъектов в микро- и макросреде в процессе их социум-аккредитации. С другой стороны, подобное взаимопонимание существенно ограничено, поскольку каждый субъект имеет возможность в зависимости от своих предпочтений, уровня культуры и образования оперировать не сводимыми в пределе в единую логическую общность лексикодами. Отсюда – трудность терминологической идентификации, в дискуссионно-дискурсивном плане выражаемая требованием обязательного уточнения содержательно-смысловой структуры понятийного аппарата. Без этой операции любое общение, призванное выявлять, отграничивать и характеризовать те или иные явления, процессы, феномены (прежде всего, разумеется, научные – многовариантные, смыслонагруженные), строго говоря, бесперспективно. Именно потому сопоставление мнений и точек зрения по значимым проблемам, в принципе, следует начинать с актуализации лозунга: «Договоримся о понятиях»... (Вот и мы как раз этим сейчас занимаемся.)

Информационный же язык являет собой совершенно уникальную субстанцию. Он абсолютно искусственен и синтетичен, имеет практически-прикладной уровень (искусственный язык, используемый в информационно-логических и компьютерных системах, с помощью которого реализуется доступ к i-ресурсам, а также обеспечивается управление информационными процессами) и уровень абстрактной универсалии, гарантирующей унифицированный обмен информацией в пространстве информационной цивилизации. Именно в последнем значении этот термин используется в социум-штудиях. «Фишка» в том, что категориальный аппарат информационного пространства постоянно находится в процессе разработки, уточнения и совершенствования, когда сам язык выступает в роли информациологического и информационного модуса одновременно: с одной стороны, актуализируются информациологические потенции цивилизации, с другой – обеспечивается раскодирование информационных смыслов Вселенной.

Итак, в заключение ещё раз отметим характерные признаки нового мира. Глобальную информационную цивилизацию характеризует информационно-информациологический модусный принцип структурирования. Одни модусы имеют качество информационных

(связаны с информационным полем Вселенной) – то есть объективно существуют вне зависимости от деятельности человека, выступающего в роли познающего их субъекта; другие обладают качеством информациологичности – то есть являют собой результаты интеллектуально-научной деятельности земной цивилизации; третьи объединяют оба перечисленных качества, выступая связующим звеном всей системы:

Рис. 4. Типы модусов

Особый интерес вызывает человеческий или социум-модус, который опосредует существование и развитие всех остальных. Его основу составляет s-информацион – субъект социальной деятельности в информационной цивилизации. Его сущностная и деятельностная сферы проявлений, очевидно, должно структурировать и рассмотреть самым тщательным образом. В конце концов, целеполагание цивилизации полностью замыкается на нём. И информационный характер нынешнего этапа развития призван значительно увеличить и расширить его познавательный и преобразующий природу и Вселенную потенциал.

Статья опубликована на сайте ИАА "Мик"
26 июля 2004 г.

- [1] Шпенглер О. Пессимизм? – М.: Изд-во «Крафт», 2003. С. 110 – 111.
- [2] Информация. Дипломатия. Психология./ Сб. материалов «круглого стола» и лекций преподавателей кафедры массовой коммуникации и связей с общественностью Дипломатической академии МИД России. (Отв. редактор и составитель доктор исторических наук, профессор Ю.Б.Кашлев). – М. : Известия, 2002. С. 15.
- [3] Хардт М., Негри А. Империя./Пер. с англ., под ред. Г.В.Каменской, М. С.Фетисова. – М.: Праксис, 2004. С.13.
- [4] Атрактор – колебательная математическая функция; «странный аттрактор» - колебательная математическая функция, которая ведёт себя непредсказуемо.
- [5] Точка «срыва» странного аттрактора и ухода к другому «неравновесному центру».
- [6] Информация. Дипломатия. Психология./ Сб. материалов «круглого стола» и лекций преподавателей кафедры массовой коммуникации и связей с общественностью Дипломатической академии МИД России. (Отв. редактор и составитель доктор исторических наук, профессор Ю.Б.Кашлев). – М.: Известия, 2002. С. 15, 16.
- [7] Юзвизин И.И. Основы информациологии. Учебник. 3-е издание исп. и доп. – М.: Высшая школа, 2001. С. 583, 585.

[8] Юзвишин И.И. Основы информациологии. С. 265.

[9] Там же. С.476, 477.

[10] О расшифровке терминов «информациологический» и «i-модус» см. чуть ниже.

[11] Юзвишин И.И. Основы информациологии. С. 586.

[12] Там же. С. 557 – 558.